

Раздел 2

ИСТОРИЯ РОССИИ И УРАЛА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

УДК 94(470.5).05/.06:61

А. М. Сафонова

В. Н. ТАТИЩЕВ – ОРГАНИЗАТОР МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

В статье раскрываются действия В. Н. Татищева по привлечению на заводы Урала первого лекаря в 1720 г., формированию команды медицинских служащих в 1734 г., состоящей из доктора медицины Грифа, аптекаря Тамма, лекаря Сименса. Анализируются положения первых нормативных актов, регламентирующих организацию медицинской службы в Екатеринбурге, – Наказа заводскому комиссару Неклюдову (октябрь 1723 г.) и Заводского устава (май 1735 г.), заводских штатов 1723 и 1735 гг.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Урал, Екатеринбург, госпиталь, первые лекари, доктор, аптекарь, нормативные акты об организации медицинской службы.

В. Н. Татищев внес большой вклад в развитие культуры Урала, который еще не получил всесторонней оценки. Нам хотелось бы остановиться на одной из неизученных страниц его жизни – деятельности по организации медицинской службы в нашем городе. В литературе это безоговорочно связывается с именем В. И. Геннина, сменившего в 1722 г. Татищева на посту начальника уральских заводов, так как именно он добился присылки первого лекаря

на заводы и основал первый госпиталь в Екатеринбурге, что нашло отражение и в энциклопедиях [см.: Уральская..., с. 146; Екатеринбург, с. 115].

Действительно, получив назначение на Урал в марте 1722 г., Геннин в доношении Петру I от 10 апреля просил: «И понеже я волею Божию всегда грудью скорблю и может быть, что без лекаря безвременно умру, того ради прошу не для меня, но для отправления вашего величества дел и для лечения будущих при мне нужнейших мастеровых людей, кои заскорбят, дать лекаря с лекарством, ибо ежели оные в скорбех незапно умрут, то будет великая во всех делах остановка» [Геннин, 1995, с. 21]. По его просьбе на горнозаводский Урал был послан первый лекарь – Иоганн Йозеф (Иосиф) Спринцель [см.: Там же, с. 420].

Между тем, осмысление уже известных в литературе данных вкупе с привлечением более широкого круга источников позволяет внести корректиды в это суждение и вполне заслуженно считать В. Н. Татищева активным соучастником данного процесса. Мы уже поднимали этот вопрос в докладе на одной из конференций [см.: Сафонова, 1998]. В данной статье постараемся на основе привлечения архивных документов 1720-х гг., а главное, анализа двух нормативных актов, разработанных Татищевым, показать его участие в организации медицинской службы на Урале.

В «Медико-топографическом описании Екатеринбургского горного округа и его города» Т. Ф. Успенского, изданном в 1835 г. на латинском языке, были опубликованы извлечения из доношения Татищева в Берг-коллегию 1720 г. о посыпке с ним на Урал лекаря. Без комментариев они были процитированы в переводе на русский язык краеведом Ю. Э. Соркиным [см.: Соркин, с. 66–67]. Нами были выявлены сами эти документы в фонде 24 «Уральского горного управления» в ГАСО. Они зафиксированы в записной книге документов, которая велась с момента вынесения решения Берг-коллегией об отправке Татищева с группой специалистов на Урал [см.: ГАСО, ф. 24. оп. 1, д. 2 б]. Эти документы позволяют утверждать, что В. Н. Татищев был первым, кто поставил вопрос об отправлении медика и лекарств на заводы.

В январе 1720 г. Берг-коллегия приняла решение о посылке группы специалистов на уральские заводы, до весны формировалась ее состав. 15 марта 1720 г. Татищев подал доношение в Берг-коллегию, в 9-м пункте которого просил отправить с ними лекаря и партию лекарств: «Понеже в тех местах как лекаря, так и ликарств во время нужное для помощи болящих достать невозможно, того ради прошу, да повелено было из Москвы отпустить одного ротного цырюльника, которых у доктора Битла из русских учеников довольно, и лекарств хотя для самой нужды, понеже у нас на лекарство вычитаетца повсегодно из жалования» [Там же, л. 9 об. – 10].

Обращает на себя внимание, что Татищев имел четкое представление о том, где можно найти лекаря. Доктор Битл – это Николай Бидлоо, голландский врач, получивший степень доктора в Лейдене в 1697 г. и прибывший по приглашению Петра I в Россию в качестве его придворного врача в 1703 г. Власти поручили ему организовать в Москве госпиталь и открыть медицинскую школу на 50 учеников. В течение 30 лет он был ее инспектором и профессором анатомии и хирургии [см.: Энциклопед. словарь, с. 829–830].

Президент Берг-коллегии Я. В. Брюс и асессор Алексей Зыбин уже на следующий день после получения доношения Татищева предписали: «Лекарства взять в Москве из обтеки ценою не более двадцати рублей и заплатить ис тех денег, кои у него, капитана-поручика, в прием будут. И цырюльника из оптеки требовать, и о том в Оптекарскую канцелярию ко архиатеру Блюментросту послать указ» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2 б, л. 9 об. – 10]. И. В. Блюментрост с 1719 г. возглавил медицинскую службу России в качестве архиатра, в 1721 г. стал главой Медицинской канцелярии. Но, видимо, свободных лекарей в Москве тогда не нашлось.

Уже в первом доношении, отправленном в Берг-коллегию по прибытии на Урал, 13 сентября 1720 г. Татищев снова поставил вопрос о присылке лекаря: «...а которые с нами школьники есть, и из оных двое больны, и хотя лекарства имеем, но лечить некому, а из швецких арестантов обретающиеся здесь жалованья требуют немалаго и едва можно ль меньши ста рублей в год достать, а ежели им так за лечение платить, на то указа не имеем, просим, дабы повелели определить какого лекаря» [Там же, д. 3, л. 63].

Видимо, купленных в Москве лекарств было недостаточно. Как следует из ведомости прихода-расхода денежной казны, 5 августа 1720 г. для заболевших учеников Московской артиллерийской школы, прибывших с Татищевым в Кунгур, «в отлучении от аптеки» было приобретено лекарств еще на 1,5 руб. [Там же, д. 4 а, л. 49 об.]. На реку Мулянку выезжал и лечил московских школьников, Алексея Калачева и Афанасия Сабанеева, а затем и в Кунгуре лекарь Андрей Иванов, видимо, практиковавший в этом городе, за что получил оплату 1 руб. [Там же, д. 2 б, л. 74].

Берг-коллегия 29 ноября 1720 г., рассмотрев доношение Татищева, вынесла определение: принять шведа с жалованьем 80 руб. в год. «А для лечения мастеровых людей и работников лекаря велеть им сыскать... из арестантов, дав ему жалованья хотя по осмидесять рублей, лишь бы он был оному искусен» [Соркин, с. 67]. Указ Берг-коллегии об этом пришел на Урал лишь в мае 1721 г., а в августе был подписан мир со Швецией, пленным шведам разрешалось вернуться на родину. Таким образом, вопрос с лекарем так и не был решен.

В апреле 1722 г. Татищев был отстранен от руководства заводами из-за доноса Н. А. Демидова. В. И. Геннин, назначенный Петром I для разбора ссоры и сменивший вскоре Татищева на посту начальника заводов, перед отправкой на Урал 10 апреля 1722 г. просил Петра I «дать лекаря с лекарством», царь предписал – сделать это Блюментросту. 23 апреля Геннин напомнил кабинет-секретарю А. В. Макарову о выполнении данного указа [см.: Геннин, 1995, с. 21, 24]. Благодаря столь высокому уровню отправки Геннина, его просьба увенчалась успехом – лекарь Иоганн Иосиф Спринцель был отправлен на Урал [см.: Там же, с. 420].

До октября 1723 г. Татищев не решал дела в начальстве, а выполнял отдельные поручения Геннина, занимался практическими делами. Как нам удалось установить, именно по инициативе Татищева был введен институт лекарских учеников при заводах Урала. В «Роспись школьникам, кто в какую науку определен», составленную 6 февраля 1723 г., Татищев наряду с 8 mestами ремесленных учеников для школьников ввел и два лекарских [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 23 а, л. 635]. К лекарю Спринцелю для обучения были

направлены выпускник Московской артиллерийской школы Петр Родионов и ученик Уктусской арифметической школы Андрей Попов. Первый с жалованьем 1 руб., второй – 75 коп. в месяц. В этот же день «роспись» была утверждена В. И. Геннинным как начальником заводов.

С июня до октября 1723 г. Татищев находился в Кунгуре, Соли Камской, ведал строительством Егошихинского и Пыскорского заводов. Вернулся он в Екатеринбург 4 октября 1723 г., получив известие от Геннина о снятии с него вины указом Петра I. На этом основании Татищева можно было привлечь к решению дел, и он был определен главным членом Обер-бергамта [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1636 а, л. 21 об.; Чупин, 1882, с. 81–82].

Именно в эти дни Татищев полностью отдался разработке нового Наказа заводскому комиссару – самого объемного документа, составленного им за все время пребывания на Урале с 1720 г. Наверняка, инициатива его составления исходила от самого Татищева, а санкционирована была Геннинным – без его одобрения Татищев не принял бы за столь важную и трудоемкую работу.

Составляя Наказ, Татищев включил в него главу 13 «О содержании аптеки, лекаря и богадельни» [см.: Татищев, с. 91–92], где впервые на нормативном уровне регламентировал сам процесс организации медицинской службы. К этому времени и в Российской провинции начали открываться первые госпитали, аптеки, появились законодательные акты, регламентирующие организацию медицинской службы в армии, на флоте: Воинский устав 1716 г., Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г. [см.: ПСЗРИ-1, т. 5, № 3006; т. 6, № 3937]. Татищев решил урегулировать этот вопрос на нормативном уровне и на территории заводского ведомства. Дополнительно к Уктусскому, Алапаевскому, Каменскому заводам, в конце 1723 г. готовились к пуску Екатеринбургский, Егошихинский, Пыскорский, Лялинский заводы. Предусматривалось дальнейшее заводское строительство.

Во введении к главе 13 Татищев отметил, что «здешней простой народ о пользе лекарств и лекаря разуметь не хотят и, болезнуя, лекарствами гнушаются», даже «в грех ставят». Он объяснял это новизной дела, сравнивал с первоначальным неприятием школ:

«доколе пользы ясно не ощутят, не поверят». Он подчеркивал необходимость правильного лечения: «без сего быть никоим образом невозможно, а наипаче для нуждных мастеров». Наказом при Екатеринбургском заводе предусматривалась наряду с лекарем и новая должность – аптекаря, при каждом из них полагалось иметь двух учеников.

Первые 5 пунктов гл. 13 посвящались регламентации деятельности аптеки, которая должна была появиться в Екатеринбурге. В общих чертах оговаривалось место ее расположения: «В удобном месте, при Канцелярии или другом строении каменном, определить особную полату на аптеку»; ее оборудование: «удовольствовать оную судами и прочими потребности»; пути доставки лекарств: «Лекарства по требованию аптекаря, а в небытность его по требованию лекаря, доставать из Москвы и других мест, откуды способнее». Особое внимание уделялось источникам содержания аптеки: она должна была действовать не на заводские средства, а на вычеты «от жалованья на лекарства». Из этих же средств предполагалось платить жалованье лекарю, ученикам и помощникам, правда, с оговоркой: «ежели чего не достанет, то прибавливать и ис казны».

Регламентировался порядок отпуска лекарств: «Лекарства отпускать из аптеки по расписям лекаревым всем служителем, у которых вычитываются деньги, на их собственные болезни безденежно, прочим, у кого вычета нет, також женам и детям, работникам, всякого чина людем отпускать за деньги». Таким образом, вводился специальный вычет из заработной платы на лечение, не платившие его должны были получать лекарства и лечиться за плату. При этом прав бесплатного пользования лекарствами и лечения лишались и лица, платившие на госпиталь, но находившиеся «в санмочотных болезнях», случившихся от пьянства и прелюбодеяния.

Эти положения основывались на нормах действующих законодательных актов: и Воинский устав, и Адмиралтейский регламент требовали удержания половины жалованья у лечащихся в госпитале и употребления этих сумм на содержание госпиталя. Офицеров, получивших болезни по своей вине, согласно Воинскому уставу, полагалось лечить за плату, исключая урядников и рядовых (гл. 33, п. 5).

Наказом заводскому комиссару устанавливался строгий учет отпуска лекарств: аптекарь должен был вести особую роспись их бесплатной выдачи. Отпуск за плату должен был производиться «по цене положенной без прибавки». В целях контроля аптекарь обязывался «на рецепте и у лекарства цену подписать, а рецепт оставить у себя, записав в книгу, дабы потом счесть было возможно как в лекарствах, так и в деньгах». По прошествии месяца аптекарь должен был «подать казначею известие: на сколько по цене лекарств в расходе, что денег взято или на ком надлежит взять, взятые деньги отдать при том же». Татищев вник и в порядок производства лекарств, строго запрещая аптекарю по своему усмотрению менять их состав: «Аптекарь не должен лекарств вместо одного другого класть, хотя б равного действия были, но объявить лекарю, чтоб переписать, которого надлежит лекарю надзирать накрепко».

Два пункта, 7-й и 8-й, посвящались регламентации деятельности лекаря. Оговаривался порядок посещения больных: «Лекарь должен болящих навещать, а особливо мастеровых, каждодневно, ежели болезнь трудная, то несколько раз днем, и оному помочьствователь полезными лекарствы». При этом специальное внимание уделялось такой важной стороне, как взаимоотношения доктора с больным, тонко подмечалась важность психологической поддержки больного, которому следовало помогать: «також разговором и советом, ибо некогда обнадеживание или порадование болящему за лекарство послужит».

Специальное внимание Татищев уделил обучению лекарских и аптекарских учеников. Заводскому комиссару предписывалось «надзирать» за лекарем и аптекарем, «дабы они обучали прилежно, искусство открывали прямо». Поскольку цирюльники в те времена наравне с умениями стричь, брить имели и навыки врачевания, Татищев предписал и лекарским ученикам обучиться навыкам стрижки и бритья: «для обучения ученикам лекарским брать всех мастеров в седмицу два разы, а за труд брать им с человека по 40 копеек в год», т. е. в процессе обучения они могли получить и определенный приработок. Половина этих денег полагалась лекарю, на них он должен был «бритьвы и мыло, занавески, полотенцы,

воду теплую держать». Разрешалось к «мастерам брить... ходить на домы, с тех брать по договору». Тем самым в Екатеринбурге при лекаре, т. е. при будущем госпитале, предполагалось открытие цирюльни.

С появлением лекаря и учеников приказывалось «посторонних лечить и брить не допускать, понеже оные чинят ученым в пропитании ущерб, а болящих более повреждают, нежели помогают». Таким образом, заводская администрация должна была стоять на страже интересов новых для Урала специалистов, пресекать попытки народных умельцев составить им конкуренцию.

Изучение норм наказа Татищева 1723 г. в сравнении с положениями упомянутых выше законодательных актов позволяет сделать вывод о самостоятельности Татищева в разработке норм, касающихся организации медицинской службы в Екатеринбурге.

В ноябре 1723 г. была закончена разработка первых заводских штатов. Как показал Н. К. Чупин, Татищев «работал вместе с ним (Геннином. – А. С.) и под его руководством» над этим документом, под ним и стоят две подписи: Татищева и Геннина [см.: Чупин, с. 82; Геннин, 1995, с. 192]. В «Табели служителей Сибирского горного вышнего начальства», предварявшей штаты, числились: «Лекарь Принцель» с жалованьем 120 руб. в год; «Ученики из школьников: Петр Родионов, Андрей Попов» с жалованьем по 12 руб. [Геннин, 1995, с. 166]. В правой графе «Впредь быть» напротив фамилии лекаря отмечено: «На его место иного прислать». Возможно, истекал срок его контракта, и Спринцель собирался покинуть Урал. Во втором варианте табели, где фигурировали только должности без указания занимавших их лиц, названы: доктор медицины с жалованьем 240 руб., лекарь (120 руб.), аптекарь (100 руб.), два лекарских и два аптекарских ученика с жалованьем по 18 руб. каждому [см.: Геннин, 1995, с. 167]. Это, собственно, и было штатное расписание, которое Татищев в конце ноября 1723 г. повез для апробации в Берг-коллегию.

Обратим внимание, как расширил Татищев состав медицинских работников и их учеников. Безусловно, этот вопрос был заранее обсужден и согласован с Геннином. В Екатеринбурге, ставшем центром управления казенными заводами Урала с августа 1723 г.,

за три недели до пуска завода в строй задумывалась организация медицинской службы на самом высоком уровне, можно сказать, с большим размахом. Доктора, аптекари были еще редкостью в провинции. Их можно было нанять лишь в Москве или Петербурге и за высокую цену.

В ноябре 1723 г. Татищев покинул Урал, а Наказ заводскому комиссару, составленный им и утвержденный Генниным, продолжал действовать еще долгие годы. Но ни доктор, ни аптекарь в Екатеринбурге так и не появились. В «Описании Уральских и Сибирских заводов» среди первых построенных в Екатеринбурге зданий (Сибирский обер-бергамт, конторы, фабрики, церковь, школа) Геннин указал: «Госпиталь для лечения больных и раненых мастеровых людей и прочих служителей» [Геннин, 1937, с. 76].

Находясь в столице с марта по июнь 1725 г., Геннин 8 июня 1725 г. подал доношение Екатерине I, просил послать указ к архитектору Блюментросту, «чтоб он отправил со мною лекаря с надлежащим медикаментом, оное требуется не ради одной моей персоны, но и ради тамошних командиров и мастеровых людей, понеже без лекаря быть невозможно, и мастеровые люди, как руские, так и иноземцы, от великих работ принимают себе часто увечья и болезни, и от того умирают безвременно, а на их места сыскывать и выписывать иных трудно и дорого» [Геннин, 1995, с. 275].

30 июня 1725 г., в день отъезда из столицы, Геннин в доношении Екатерине I напомнил о необходимых распоряжениях для его отъезда, снова просил «приказать архиатору Блюманстросту, дабы он со мною отправил лекаря для меня и мастеровых людей. И без лекаря для частых моих болезней ехать мне с Москвы невозможно для того, что тамо и во всей Сибири лекаря нет» [Там же, с. 279]. Но вопрос так и не был решен, Спринцель, сопровождавший Геннина и желавший, видимо, покинуть Урал, в ноябре вместе с ним вернулся в Екатеринбург [см.: Корепанов, с. 98–99].

К моменту назначения Татищева на Урал на смену Геннину по действующим штатам, составленным в ноябре 1733 г., при госпитале числились старший лекарь с жалованьем 220 руб. в год, младший (144 руб.). Наряду со штаб-лекарем Спринцелем трудился

и лекарь Иоганн Христиан Гринберг, обязавшийся служить по контракту, заключенному 23 июня 1731 г., при Геннине 3 года или пока Геннин будет находиться в Екатеринбурге.

В. Н. Татищев, получив назначение на должность начальника казенных заводов Урала в марте 1734 г., буквально через несколько дней нанял нового лекаря для работы в Екатеринбурге, Эвергарта Сименса, служившего подлекарем в Кадетском корпусе [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1051, л. 47]. 29 марта 1734 г. о его назначении был издан указ Сената. Как писал сам Сименс в 1737 г., он был послан на Урал при Татищеве «для пользования собственной ево персоны» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 802, л. 30–30 об.], т. е. Татищев, как и Геннин, заполучил личного врача, который в случае нужды лечил и других больных.

Татищев ознакомился с доношениями Геннина в центр и по прибытии в Москву 8 апреля 1734 г. отправил письмо обер-прокурору Сената А. С. Маслову, в котором продемонстрировал хорошее знание того, как обстоят дела с медиками в Екатеринбурге: «по требованию генерала-поручика Геннина надлежит отправить на завод лекарей, и об оном вас, государя моего, прошу, чтоб их повелено было отправить без умеждения» [Татищев, с 154]. На следующий день Татищев обратился к кабинет-министрам А. И. Остерману и А. Н. Черкасскому: Геннин требовал, «чтоб на место отправленного на заводы лекаря, которой с[тар] и скорбен и вылечить не- можно; и за тем де завоцкия люди в болезни претерпевают нужду, а другия от неизлечения будут умирать; к тому ж по учиненной с ним капитуляции более быть он не желает, прислать искусного лекаря». По указу Сената, сообщал Татищев, «велено о том обретаю- щемся при заводах лекаре разсмотреть мне и по тому видно, что другаго лекаря к нам вскорости прислано не будет...». Поэтому Татищев просит вместо находившегося при заводах старого лекаря определить из Санкт-Петербурга или Москвы «доктора искусно- го» [Там же, с. 155].

Пока в Москве шла подготовка к дальнему пути на Урал, 18 апреля 1734 г. Татищев вновь обращается к кабинет-министрам: «ныне обре[тае]тся в Москве англичанин доктор Гриф, которой

на си[бир]ских заводы ехать обещается на 3 года с та[ким] договором»: жалованье 600 руб. в год, «да при нем [же] определить аптекаря»; сообщает, что «оного доктора Грифа до[ктор] Бидла весьма рекомандует» [Там же, с. 156]. Ясно, что Татищев лично взялся за поиски медика в Москве, обратился за советом к начальнику московского госпиталя, профессору анатомии и хирургии Н. Бидлоо, который, безусловно, знал всех подходящих кандидатов, проживавших в городе. Только после этого Татищев адресовал просьбу об определении Грифа на должность высшему органу государственной власти – Кабинету министров, выразив при этом надежду найти в Москве охотника и на должность лекаря.

Не дожидаясь ответа Кабинета министров, 1 мая 1734 г. Татищев сам заключил контракты с доктором и аптекарем, но контора Сената в Москве отказалась в их назначении и выдаче жалованья, ссылаясь на отсутствие указа Сената. Татищеву пришлось еще раз по этому поводу обратиться к кабинет-министрам. В конце концов вопрос был решен положительно [Там же, с. 157–158].

Согласно контракту, заключенному с Джеймсом Грифом в Москве 1 мая 1734 г., он обязался быть при заводах «яко медикусу и химикусу» в течение трех лет с жалованьем 600 руб., лечить людей и вести «лабораториум для химических экспериментов». Инструменты, сосуды, материалы для опытов должны были выдаваться ему казенные «и что он, доктор Гриф, чрез оное обретет, то должен точно и ясно объявить… в книгу записывать без всякаго закрытия», т. е. Грифу отводилась роль главного медика, а также химика, ведущего опыты в лаборатории, которая действовала при заводе: в ней осуществлялись пробы руд и металлов. В тот же день Татищев заключил контракт и с помощником Грифа, уроженцем Голштинии аптекарем Г. Таммом на 3 года, с жалованьем по 96 руб. в год [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 775, л. 224].

1 октября 1734 г. Татищев с командой прибыл в Екатеринбург. Размещали людей, определялись с обязанностями, искали помещение под аптеку. 8 октября Татищев с командой вступил в управление [см.: Татищев, с. 163; ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 1–3]. В этот же день члены Канцелярии Главного заводов правления слушали

указ Татищева за № 12, отправленный из его личной канцелярии как начальника заводов, шестым пунктом которого предусматривалось: «у обретающихся здесь лекарей о лекарствах остальных и принадлежащих к тому инструментах и сосудах, взяв известие, велеть аптекарю под призрением доктора принять и в расход с прочими употреблять, и для содержания аптеки дом построить, как потребно» [Там же, л. 11 об.].

Джеймс Гриф, как настоящий медикус, возглавил всю медицинскую часть на Урале, стал главным консультантом в области медицины и аптечного дела. Аптеку разместили в половине казенного дома, выделенного ему под жилье. Именно Гриф стал подавать в Канцелярию доношения о заготовлении припасов, необходимых в аптеку, о выписывании лекарств из Москвы. Одновременно с этим он занялся и пробами руд.

В январе 1735 г. Спринцель пожелал вновь заключить контракт и остаться в Екатеринбурге. Уральское начальство в присутствии Татищева определило: принять на прежних условиях, кроме дров, которые отныне покупать самому; вместо денщика дать из закомплектных работников одного, так как «за неимением свободных, на свой кошт нанять некого», быть ему с жалованьем, что «при деле ево» определено, как в штате; денщиков лекарям иметь не положено, а сверх штата давать жалованье нельзя. В контракте вновь написать, что после его смерти жене и детям до Москвы дадут 4 подводы с казенными прогонами с подорожной [Там же, д. 216, с. 47].

Татищев в первый год управления заводами был одержим широкими планами, надеялся, что ему удастся претворить их в жизнь. Это нашло отражение и в проекте новых заводских штатов. В марте 1735 г. была закончена их разработка. Отсылая документ для конfirmации верховной власти, Татищев показал: как было при Геннине, «как ныне обретается... и жалованье производится до утверждения предоставленного штата» и «как, по мнению нашему, впредь даче жалованья быть надлежит».

В отношении госпиталя отмечалось: при Геннине числились: штаб-лекарь с жалованьем 220 руб., «молодчих» два, жалованье на обоих – 144 руб. (на деле – 1), учеников 3 (на них – 48 руб.),

на лекарства – 699 руб., надзиратель при госпитале (36 руб.), копиист (18 руб.), сторожей, работников 4 человека (на всех – 36 руб.) [Там же, оп. 1, д. 547, л. 55–55 об.]

В новом штате 1735 г. при заводах числились: доктор Гриф с жалованьем по контракту 600 руб., штаб-лекарь с жалованьем 219 руб. (предусматривалось увеличение его оклада до 240); младший лекарь с жалованьем 197 руб. 10 коп., намечалось иметь двух (на жалованье обоим – 360 руб.). Подмастерьев и учеников – 5 человек: один, видимо подмастерье, с жалованьем 48 руб., на будущее требовалось два (на обоих 96 руб.); два ученика (на обоих – 36 руб., в будущем предполагалось тратить 48 руб.); двое учеников с окладом по 12 руб. В госпиталь работников и работниц 4 человека (34 руб., в будущем – 30), на лекарства из «вычетных» из жалованья – 400 руб., в будущем – 200 руб. Уменьшение трат на лекарства связывалось, видимо, с приготовлением их в местной аптеке из материалов, выписываемых из столиц, и из собираемых трав [Там же].

В штат 1735 г. был введен аптекарь Тамм с жалованьем по контракту 96 руб., предполагалось в будущем давать 180 руб., при аптекаре числились 2 ученика (жалованье на двоих 36 руб. с увеличением до 66). Как видим, Татищев впервые привез на Урал настоящего доктора, еще одного лекаря, аптекаря, ввел их в штат, но намечал найти еще одного лекаря, увеличить число учеников, обучаемых лекарскому делу, чтобы вырастить достойную смену лекарям-иностранным из русской молодежи.

Пробирное дело наряду с лечебными делами было передано в ведение Грифа вскоре после прибытия в Екатеринбург. В книге протоколов заседаний Канцелярии Главного заводов правления за 19 ноября 1734 г. зафиксировано решение (после заслушивания контракта Грифа): «всем обретающимся в Екатеринбурге и при других заводах лабораториям и пробирным мастерам, подмастерьям, ученикам быть в ведомстве ево, дохтура Грива, и велеть им присланным от него ордерам быть послушным, о чём он к ним ордераами определять будет, обо всем ево рапортовать». Подписали протокол Татищев, Хрушков, Рудаковский, Гордеев, т. е. все члены правления [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 443]. Именно Гриф,

а не Тамм стал составлять список медикаментов, заказываемых в Медицинскую канцелярию, он же зачастую обращался с доношениями к начальству о выдаче припасов в аптеку.

Поскольку именной инструкцией 1734 г. Татищеву как начальнику заводов предписывалось разработать проект законов, регламентирующих контроль государства над частными заводами, он не мог не воспользоваться возможностью разработки проекта, регулирующего на законодательном уровне и организацию управления казенными заводами. Татищев назвал этот законопроект Заводским уставом, и в нем определил обязанности коронной администрации казенных заводов Урала. 30 мая 1735 г. Татищев сообщил кабинет-министрам: «Устава часть некоторую я сочинил, а другое сочинять оставляю советнику Хрущову, чтоб без меня потрудились... оное, что сделано, пришлю немедленно». 6 июня 8 глав устава были отправлены на высочайшее рассмотрение и утверждение. Подробно о разработке, обсуждении этого устава и документировании деятельности членов коронной администрации сообщается в нашей статье [см.: Сафонова, Порунов].

Татищев ввел в число членов коронной администрации и доктора Грифа. Регламентации его деятельности он посвятил 7-ю главу Заводского устава «О докторе медицины или берг-физики», состоявшую из 19 пунктов (последний в публикации ошибочно указан 12-м) [см.: Заводской устав].

В первом пункте гл. 7 Татищев определил круг лиц, подконтрольных доктору: «Его власти подлежат лекари, аптекари, пробователи с их учениками, работниками и прочими при том служителями...» Доктор должен был подбирать лиц, способных исполнять эти должности, и представлять для назначения в Главное заводовправление, «над ними прилежно надзирать».

Несколько пунктов (2–6), посвящались контролю доктора за новым учреждением – аптекой. Он обязывался следить, чтобы аптека располагалась в строении, удобном к приготовлению и хранению лекарств, имела «покоев без скудости», «сосудов, инструментов и машин без недостатка». Все содержимое аптеки подлежало строгому учету в обстоятельной росписи «по алфавиту», один экземпляр которой хранил аптекарь, другой – доктор. Требовалось отмечать

убыль, прибыль предметов с указанием, когда, от кого получено, по какой цене. Для лучшего сбережения содержимого аптеки предписывалось даже «в Екатеринске дом каменный построить, чтоб от пожара был безопасен» (п. 2).

Доктору вверялся контроль за приготовлением лекарств, чтоб аптекарь составлял их «из написанных в рецепте вещей и никогда б одно за другое по своему мнению не клал», в случае замены или сомнения советовался с доктором. Доктору вверялся и контроль за отпускной ценой лекарств, чтоб аптекарь не брал лишнее и безденно не отпускал (п. 3).

Доктору полагалось ежегодно весной сочинять «каталог, какие травы, кореня и прочия материалы в тамошних местах находятся, в которыя времена что собирать», дабы уменьшить заказ привозных лекарств; «к тому способных травников и других служителей содержать». Примечательно указание Татищева: «ежели что чрезвычайно полезное изобретет, в Медицинскую Коллегию писать». «Особливый каталог» полагалось составлять и в отношении отсутствующих лекарств и материалов, подавать его заблаговременно в Канцелярию для заказа в главную столичную аптеку или выписывания через купцов из других мест; избегая пользования частными аптеками, «кроме крайней нужды» (п. 4).

Требовалось «обретающимся лекарствам обстоятельный каталог иметь и оным настоящую цену положить», причем так, чтобы чрезмерно не отягчить пользователей лекарств и аптеке не нанести убытка. Любопытно указание Татищева: «в рецептах смотреть, чтоб убогим людям, колико возможно, дорогих лекарств не писать, а смотреть токмо, чтоб надлежащее действие быть могло; ибо богатым многократно токмо для приятного вкуса или обоняния дорогия вещи кладутся, которыя ему заплатить не трудно» (п. 5).

Специальный пункт «Об отпуске лекарств на другие заводы» устанавливал правила их рассылки из аптеки Екатеринбурга. При этом требовалось в посылаемых при том каталогах «назначивать, из чего или по которому рецепту оные составливаны», а где лекари неблагонадежны и от доктора отдалены, указывать, при какой болезни, сколько и когда конкретное лекарство употреблять, как его хранить. Примечательно рассуждение Татищева: «много-

кратно одного имени лекарства составляются из разных материй и разную силу имеют», при полках лекари «от неискусства» часто вместо пользы вред наносят.

И здесь мы видим позицию Татищева как государственника, достойного представителя века Просвещения. От имени верховной власти он вставляет в этот конкретный пункт положение российского масштаба: «того ради повелели Мы Нашей Медицинской Коллегии, дабы избежания такого вреда, напечатать книгу на Русском и Немецком языке, сначала хотя о тех лекарствах, кои обыкновенно в полки даются, и оныя книги разослать по всем полкам и Аптекам, дабы впредь неведением не погрешали, а наипаче чтоб Русские ученики лекарские, незнающие других языков, от чтания неколико обучаться могли». В этих строках звучит забота Татищева о пропаганде медицинских знаний среди лекарей полков – самой большой группе медицинских работников того времени в России – и о повышении квалификации первых аптекарей, появившихся в провинции, и о русских учениках, обучавшихся лекарскому и аптекарскому искусству.

В обязанности доктора входил контроль за лечением работников заводов в госпитале. Всем получающим жалованье при заводах и имеющим вычеты из него на содержание госпиталя (по 1 коп. с рубля) лекарства полагалось давать бесплатно. Доктору необходимо было иметь от заводского правления «роспись» таких людей; в случае их болезни начальник должен был прислать больного в госпиталь при рапорте, а лекарь «иметь записку, кто сколько дней какою болезнью скорбел и что лекарств ему издержано» (п. 7).

Но из этого числа исключались те, «кто самовольно болезнь себе приключают, яко от пьянства, драки и другого сквернодеяния», они должны были платить как за лекарства, так и за лечение, при этом лишаться жалованья как за прогул. Исключение разрешалось делать для ремесленников, не имеющих средств для оплаты. О них полагалось подать ведомость в Правление о сумме, истраченной на лекарства, если имелась возможность, вычитать ее постепенно из жалованья; в противном случае – «для страха и другим, учинить… наказание» (п. 8).

Три следующих пункта (9–11) посвящались содержанию богоадельни, где полагалось лечить «подлых и убогих ремесленников, работников, солдат и тому подобных за неспокойством в их домах и их недостатком» и для удобства лекарей. Здесь предписывалось иметь разные покои, заразных больных и «от безумия опасных» содержать отдельно, как и определенных «за дряхлостию… и старостию»; зимой «довольно топить», на случай ночных происшествий иметь лампаду; каждому больному иметь свою постель, одежду «у неимущих почаству перемывать и переменять», немощным помогать. Полезную пищу и питье определять в назначенное время из домов, с торгу, но «без ведома доктора ничего им пить и есть не допускать». Для этого быть надзирателю, поварам, нескольким работникам и работницам.

Без разрешения служителей больных запрещалось выпускать за территорию, доктор обязывался осматривать их каждое утро и вечер, дополнительно – «в чрезвычайном случае»; «лекари же и их ученики, по одному всегда во оной быть и иметь записку, в котором больном какую перемену усмотрят и о том доктору репортовать». Всем больным предписывалось «обстоятельную дневальную записку содержать». О вылечившихся подавать их начальству «письменное известие». О случаях чрезвычайных предлагалось сообщать Главному правлению, а также в Медицинскую коллегию и Академию наук «при надлежащем помесячно репортовать» (п. 9–10).

В п. 11 расписывался порядок сбора подаяний на лечение и пропитание неимущих. Запрещалось давать деньги кому-либо personalno во избежание распрай; при каждой богоадельне полагалось иметь особую «скрынью», куда каждый желающий мог положить милостыню; подобные «скрыни» полагалось иметь «прикованные» и в других местах, где часто собираются люди, и в церквях, доктору принимать эти средства и ссыпать в «скрынью» при богоадельне, ежемесячно рапортую о сборе Главному правлению.

Следующие два пункта определяли обязанности доктора по контролю за операциями, проводимыми лекарями, и контролю за тем, как лекари и аптекари обучали своих учеников. Если предстояла опасная операция, например, какой-то «член отрезать», доктор должен был по призыву лекаря «поспешить», рассмотреть все

обстоятельства, найти лучшее решение и самому наблюдать ход операции; следить, чтобы потом «пластыри прикладывали надлежащие и переменяли с бережью» (п. 12).

Именно доктор обязывался контролировать, чтобы лекари и аптекари «данных им учеников прилежно обучали, верно и внятно все показывали», привлекали для помощи в проведении операций, «иногда б и самих действовать допускали». Татищев ввел в Заводской устав положение о том, как лучше обучать анатомии: «наилучше при анатомии животных в зимнее время их обучать, и члены внутренние, наипаче же мускулы, тендены, жилы всех родов и проч., им внятно и бесскрытно показывать». Доктору полагалось смотреть, чтобы учеников обучали «честно, а не за работников простых употребляли; но честным и смелым поступкам и обхождению приводили, а от грубых и непотребных обычаев отвращали, и по крайней возможности удерживали; в наказании с ними умеренно поступали, а злодеяния и злости никогда не пропускали...». Как видим, Татищев не мог удержаться от того, чтобы на уровне законодательном не ввести положения о нравственном воспитании молодежи и во время ее обучения новой для заводов специальности.

Именно доктор должен был свидетельствовать приобретенные лекарские и аптекарские познания, «в степенях» их повышать и представлять Главному Правлению о повышении им жалованья (п. 13).

В п. 14–17 расписывались обязанности доктора как главы пробирной лаборатории. Согласно п. 18 доктору вверялся надзор «при всех заводах аптек, богаделен, лабораторий и поступков всех его подвластных: яко лекарей, аптекарей, пробователей и надзирателей богаделен». Поэтому он обязывался дальние заводы посетить хотя бы раз в год, на ближние «так часто, как возможно и потребно ездить свидетельствовать», недостатки и погрешности исправлять, давать наставления, «преступивших должность наказывать, смирить и к надлежащему принудить».

От имени верховной власти доктор жаловался рангом, как и прочие при армии, ординарного доктора медицины с оговоркой, если Академия наук «усмотрит» его труд и прилежность, то может удостоить его особого награждения и принять в свои члены (п. 19).

Хотя Заводской устав не стал законом – он не был апробирован верховной властью – его нормы, касающиеся отдельных членов коронной администрации, были претворены в жизнь в качестве инструкций. Действовали и положения, касающиеся медицинской службы: доктор являлся главой медицинской службы, выполнял свои обязанности по контролю за лекарями, аптекарем, учениками, составлял каталог местных трав, списки лекарств, заказываемых в центр, контролировал их изготовление аптекарем, рассылку по заводам и т. д. И после отъезда доктора Грифа в Самару вместе с Татищевым в июне 1737 г. основы организации медицинской службы, заложенные Татищевым, сохранялись еще долгие годы.

Таким образом, можно констатировать, что, благодаря В. Н. Татищеву, медицинская служба на Урале получила два замечательных нормативных документа, регламентировавших основы ее организации в Екатеринбурге. И если при первом назначении на Урал в 1720 г. усилия Татищева по назначению лекаря на заводы не дали результата, то в 1734 г. ему удалось сформировать целую команду медицинских работников, нанять первого доктора медицины, первого аптекаря, еще одного лекаря дополнительно к двум, уже трудившимся в Екатеринбурге, и регламентировать их обязанности по лечению больных и подготовке лекарских и аптекарских учеников. Следует отметить и большой личный вклад В. Н. Татищева в формирование в Екатеринбурге большого собрания медицинской литературы – уникальных справочников лекарственных растений, лучших западноевропейских изданий по химии, фармацевтике, хирургии, внутренним болезням в 1734–1738 гг. [см.: Сафронова, 2010].

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. Свердловск ; М., 1937.

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.

Заводской устав Татищева // Горн. журн. 1831. Кн. 9. С. 320–328; Кн. 10. С. 1–5.

Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург, 2002.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006.

Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 5, № 3006; Т. 6, № 3937.

Сафонова А. М. Роль В. Н. Татищева в организации первой медицинской службы на Урале в начале 20-х годов XVIII века // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.) : материалы Третьей Всерос. науч. конф. : в 2 т. Омск, 1998. Т. 2. С. 47–51.

Сафонова А. М. Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734–1738 гг.) // Восьмые Татищевские чтения : докл. и сообщ. Екатеринбург, 2010. С. 34–39.

Сафонова А. М., Порунов М. В. Документирование деятельности коронной администрации в Заводском уставе В. Н. Татищева 1735 г. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 288–311.

Соркин Ю. Э. У истоков медицины Среднего Урала // Ползуновские чтения : тез. науч.-практ. конф., посвящ. 265-летию со дня рождения И. И. Ползунова. Екатеринбург, 1994. С. 66–69.

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. М., 1990.

Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.

[Чутин Н. К.] Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. Вып. 1.

Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1891. Кн. 6. С. 829–830.